
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА.

ВКЛАД ИНОСТРАННЫХ УЧЕНЫХ И ПЕРЕВОДЧИКОВ /

отв. ред. С. Менгель. – Москва : Издательский Дом ЯСК,

2021. – 328 с. – (Studia Philologica).

(Реферат)

Ключевые слова: история русского литературного языка; первые грамматики русского языка; кодификация русского языка; перевод грамматик иностранных авторов.

Исследование предлагает новое виденье проблематики первых грамматик русского языка, созданных в конце XVII – первой трети XVIII в. преимущественно иностранными авторами. Впервые делается попытка рассмотреть произведения иностранных ученых и переводчиков не как плод “лингвистической любознательности” и/или подспорье для “устроителей нового литературного языка” в России, а в контексте западноевропейского культурно-просветительского и грамматологического дискурса, в рамках которого русские грамматики создавались наряду с грамматиками других национальных языков, при этом не для “описания живой разговорной речи” в России, как принято считать, а с целью кодификации русского языка на основе одного из его узусов издания на этом языке “хороших книг”. В зависимости от принадлежности определенным западноевропейским просветительским традициям и понимания культурно-языковой ситуации в России авторы грамматик предлагают альтернативные модели кодификации, отличные не только друг от друга, но и от того пути, по которому пошло

формирование русского литературного языка нового типа в России. Согласно цели исследования приводится анализ образцов переводческой продукции, отражающей представленные в грамматиках модели кодификации, и прослеживаются *per exemplum* пути рецепции подобных текстов. Отдельные грамматические произведения, уже известные научной общественности, рассматриваются под новым углом зрения, позволяющим по-новому увидеть их значение в западноевропейском научно-историческом контексте времени их создания, уточнить грамматические намерения их авторов и предложить для них новую атрибуцию и датировку.

Глава I “Первые грамматики русского языка” посвящена как анализу целей первых русских грамматик (раздел I. 1. Грамматические произведения иностранных авторов в конце XVII – первой трети XVIII в. Их цели и особенности) и причин формирования и применения различных кодификаторских концепций в России (раздел I. 2.1. Между русским и церковнославянским: культурно-языковая ситуация в России в конце XVII – первой трети XVIII в. представлении иностранных авторов русских грамматик), так и анализу отдельных грамматических произведений, уже известных научной общественности, но предстающих под новым углом зрения, позволяющим по-новому и более рельефно увидеть их значение в западноевропейском научно-историческом контексте времени их создания (раздел I. 1.1. К предыстории “Русской грамматики” Генриха Вильгельма Лудольфа, раздел I. 1.3. В поисках “духа русского языка”: “Русская грамматика и методика”: Жана Сойе; раздел I. 1.2. Дополнительный источник сведений о грамматических воззрениях, раздел I. 1.4. Первый печатный учебник русского языка как иностранного в России, раздел I. 1.5. Начальные основы русского языка Иоахима Кристофа Шталя).

В работе отмечается, что объем и сложность представленной в Главе I проблематики дает ей полное право занять по объему большую часть проведенного исследования. В западноевропейском научном дискурсе начиная с XVI в. возникает прагматический, нередко “миссионерский”, интерес к отдельным национальным языкам, что ведет к созданию их первых грамматик. При этом грамматическое описание осуществляется по образцу латинского языка, т.е. по матрице латинской грамматики. При отражении категории падежа существуют две практики: либо шестичленная

(включая вокатив) эквиполентная оппозиция латинской парадигмы падежа апплицируется в языковую систему языка описываемого, а имеющиеся в нем формальные оппозиции, не соответствующие латинским, “подгоняются” под значения латинских падежей, либо на месте последнего латинского падежа *Ablativus* выделяются “новые” падежи.

Обе практики описания категории падежа представлены в первых церковнославянских и русских грамматиках XVI – начала XVIII в. В первых грамматиках русского языка иностранных авторов, создаваемых в научном пространстве западноевропейской грамматической традиции, преобладает вторая практика описания категории падежа, в рамках которой для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива прослеживаются две линии формирования соответствующей латинской терминологии.

Первая линия формирования латинской терминологии в рамках западноевропейской грамматической традиции для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива предусматривает введение термина *Ablativus Instrumentalis* для падежа с более узким значением “инструмента” в соответствии с беспредложным латинским аблативом и сохранение термина *Ablativus (Ablativus Absolutus)* для второго многозначного падежа в соответствии с многозначным латинским аблативом.

Вторая линия формирования латинской терминологии в рамках западноевропейской грамматической традиции для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива связана с подбором специального термина не только для одного, но и для обоих русских падежей и берет свое начало с введения термина *Ablativus 2. Narrativus* для второго падежа параллельно к уже существующему особому термину *Ablativus [1]Instrumentalis*.

Приоритет введения термина *Ablativus 2. Narrativus* в парадигму описания русского падежа принадлежит с высокой степенью вероятности И.К. Шталю, автор рукописной академической грамматики “*Rudimenta Linguae Russicae*” (Stahl 1722–1725) и печатного практического пособия – справочника в таблицах (Stahl 1720/1722), известного сегодня как печатный лист “*Extranea*”.

Терминология, представленная в печатном листе “*Extranea*”, т.е. пособия – справочнике Штала, один из экземпляров которого был передан в Академическую гимназию в Санкт-Петербурге,

находит отражение в терминах *Instrumentalis* и *Narrativus* (без указания на латинский *Ablativus*) в печатной грамматике Адодурова “Anfangs-Grunde der Russischen Sprache” (1731) и неоконченной рукописью “Compendium Grammaticae Russicae” (1731). Оба грамматических произведения – это результат первых попыток кодификации русского литературного языка нового типа, предпринятых Российской академией наук в первой трети XVIII в.

Со второй линией формирования латинской терминологии для обозначения двух русских падежей на месте латинского аблатива в рамках западноевропейской грамматической традиции связаны терминологические изыскания И.В. Пауса, предлагающего в своей рукописи, представленной в Академию наук грамматике “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache” (Paris 1705–1729) термины *Effectivus* и *Objectivus*. Притом что первый термин, используемый Паусом синонимично к *Instrumentalis*, был уже известен в западноевропейском грамматическом дискурсе, второй представляет собой довольно удачное нововведение Пауса для обозначения будущего “предложного” падежа на основе выделения в качестве его особого признака связи с “объектом”.

Авторы отмечают, что заслугой Пауса является предложение грамматического описания двух рассматриваемых русских падежей вне связи с латинским *Ablativus*, как это было принято в западноевропейской грамматической традиции, но как самостоятельных падежей с самостоятельными значениями, отличными от значений латинского аблатива. Тем самым Паус перекидывает мостик от западноевропейской грамматической традиции к традиции грамматик русского языка Российской академии наук, инициаторами которой с опорой на западноевропейскую терминологию следует в этом плане считать не только Адодурова и Шванвица, но и Пауса.

В наибольшем объеме сохранились переводы на русский язык И.В. Пауса, выполненные им в России. Их анализ в соответствии с оригинальной концепцией кодификации “славено-русского” языка, представленной в его грамматике, дается *per exemplum* в первом разделе Главы II “Первые переводы на русский язык. Переводческая деятельность иностранных ученых в первой трети XVIII века” (раздел II. 1.1. Перевод сочинения И.Г. Сейбольда “*Selectiora quadam colloquia latino-germanica*” Иоганном Вернером

Паусом; раздел II. 1.2. Наблюдения о переводе “Малого катехизиса” М. Лютера Иоганном Вернером Паусом). Во втором разделе этой главы представлен анализ двух из числа первых переводов на русский язык, созданных в Западной Европе, напечатанных в Германии и ориентированных на модель кодификации русского языка с опорой на один из его диалектов, представленной в неоконченной грамматике И.Э. Глюка (раздел II. 2.1 Немецкий оригинал “Малого катехизиса” А.Г. Франке и его русские переводы: исторические свидетельства, имеющиеся и отсутствующие экземпляры; раздел II. 2.2 Преемственность, авторство, время издания и язык русских переводов “Малого катехизиса” А.Г. Франке по данным текстологического и лингвистического анализа). Один из этих двух переводов реципировался, по всей видимости, в России.

Результаты проведенного исследования позволили авторам уточнить и подвергнуть корректировке существующие мнения ученых по поводу русских переводов “Малого катехизиса” А.Г. Франке.

На основании проведенных текстологических и архивных изысканий удалось установить, что существует не три, как до сих пор предполагалось, а только два известных нам русских перевода “Малого катехизиса” А.Г. Франке. Первый был выполнен Иоахимом с краткого немецкого издания катехизиса и отредактирован И.Э. Глюком. Данный перевод был напечатан в типографии Сиротского дома в 1704 г. Печатный экземпляр этого перевода хранился в Галле, по крайней мере до 1742 г. Второй перевод был выполнен К.М. Родде с полного издания “Малого катехизиса” Франке 1696 г. и напечатан в Галле в 1718 г. Именно он был представлен Петру I. Рукопись этого периода по сей день хранится в архиве Фонда А.Г. Франке в Галле.

Имеющийся в Галле печатный экземпляр русского перевода представляет собой переиздание перевода Родде в редакции С. Тодоровского. Это переиздание было напечатано в Галле с высокой степенью вероятности в 1729 г., а не в 1735-м, как до сих пор предполагали ученые.

Тодоровский, который перевел на русский язык все основные произведения пиетистов и чьи переводы которого были напечатаны в Галле, не является переводчиком “Малого катехизиса” А.Г. Франке. Запись на хранящемся в Галле печатном экземпляре

русского перевода ошибочна. Тодоровский выступил только в качестве редактора данного издания.

Если при издании первого русского перевода в 1704 г. были учтены исправления, сделанные Глюком, то язык этого перевода можно считать одним из образцов переводов религиозных текстов на живой русский язык – новый русский литературный язык, в основу которого Глюк предполагал положить севернорусское наречие и который он стремился кодифицировать в своей оставшейся незаконченной “Грамматике русского языка” 1704 г. Очевидно, на этот же известный ему узус русского языка опирался в своем русском переводе Родде.

Для перевода немецкой пиетистской душеспасательной литературы Тодоровский использовал другие переводческие стратегии; в его редакции перевода Родде они не проявляются на уровне языка, но прослеживаются в адаптации западноевропейской протестантско-пиетистской символики и религиозной терминологии для русского православного читателя.

Глава III “Западноевропейская культурно-историческая перспектива формирования русского литературного языка в конце XVII – первой трети XVIII века” выступает “вместо заключения” и призвана дать общий взгляд на формирование русского литературного языка с западноевропейской культурно-исторической перспективы в конце XVII – первой трети XVIII в. Этот взгляд и эта перспектива предполагали также один альтернативный путь формирования русского литературного языка, не связанный напрямую с грамматиками иностранных авторов, но с текстовой продукцией на “русском” языке, созданной в Германии и предназначенной для рецепции – и реципированной – в России и за ее пределами.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*